

Всё тем вечером кончилось как-то... ну, х*ровенько. И стоило ей после этого как следует отлежаться - прямо там, в конюшне. Хотя как-то залечить свои разболтанные лапки, чтобы растянутая на груди и животике кожа выглядела не так страшно, а вывернутая наружу матка вернулась на место - ведь один х*р, даже отец не сильно переживал от того, что она могла пропасть куда-то на пару дней. Тем более, что в этот раз даже с уважительной причиной! Но в том состоянии ей было слишком сложно соображать - как умирающему животному, ей хотелось как можно скорее оказаться в том месте, где ему когда-то было комфортно и безопасно, поэтому она всеми силами стремилась поскорее оказаться у себя в комнате, в своей кровати. Несмотря на то, что ноги её бесконечно разъезжались в стороны (даже если она не пыталась встать, а ползла на четвереньках), а мешковидный, растянутый животик хоть и лишился большей части своего содержимого - всё равно висел, плескаясь изнутри почти половиной литра семени.

Короче, проползти она смогла только половину пути - а дальше её, валяющуюся на каменной дорожке, в этом всём неприглядном состоянии, нашла жена садовника... А там уже - крики, визги, всякая суета и беготня... Так что вышел, так сказать, лёгкий конфуз, вспоминать о котором совсем не хотелось... И хотя Шаос, пока Бофла под личным руководством Алисандера тащила её за ошейник в ванную, клялась о том, что она не хотела, что оно само так вышло, и чтобы они хотя бы ничего не рассказывали её отцу - слухи об этом уже разлетелись по всему особняку, что естественно не прибавило дамианке ни грамма репутации - ни среди слуг, ни в глазах отца. Поэтому весь следующий день она провела в постели, боясь даже лишнего куска хлеба попросить - а ведь есть ей хотелось и очень сильно! И одного лишь обеда, когда одна из служанок со звоном посуды уронила поднос ей на тумбочку, ей было мало. Ну, и вечером ей в комнату закинули пакет какого-то печенья... Прямо так, чрез приоткрытую дверь... Но возмущаться ей было стыдно. И на дрожащих ногах она полезла под кровать, чтобы достать его оттуда и съесть, запивая тёплой водой из графина.

Вернулась же "к жизни" она лишь на третий день после зачатия. И во имя искупления своей вины, она сразу же пошла трудиться - честным и старательным образом начала прибираться по дому. Даже завтрак пропустила, ибо проснулась невесть когда, а в отсутствии отца кормили её не очень-то охотно. Упрашивать же... Ну, всё ещё было стыдно.

Честно стыдно!.. И за то, в каком её виде нашли, и за то, что она не сдержала данное обещание. И что забеременела от коня... Или от коней, блин. И, возможно, что и от Никифия, не совсем его спросив о согласии. Но свершённого же уже нельзя было воротить?.. Нельзя... Не прерывать же её каким-либо образом? Она хоть и та ещё мамашка, но - нет. Кого бы она там ни носила - она постарается выносить. А ещё и здоровье шло на поправку - уже и связки восстановились, из-за чего она снова могла нормально ходить, а от округляющегося... несколько слишком быстро округляющегося для такого раннего срока животика шло приятное, умиротворяющее тепло. До тихого, довольного мурлыканья - у неё под сердцем росла новая жизнь, делая саму её неповоротливой и уязвимой. Н-нья...

В общем, она по-крупному облажалась, но даже в таком состоянии находила счастье и искренне наслаждалась этим моментом своей беспокойной жизни.

Но беременеть от коня всё же не следовало. Потому что уже дня через три ходить она будет с огромным трудом, а в дальнейшем и вовсе лишится этой возможности... И это если не думать о том, что ей это как-то придётся рожать, ох-хох...

- Тебя сложно найти.

Шаос сильно вздрогнула. Она как раз, в этом коротком, чёрном платье с белыми кружевами и фартучком, встала напротив стеллажа с книгами и начала обмахивать их пушистой перьевой метёлкой. Вытянувшись во весь свой небольшой рост и задравши хвостиком юбочку, из-под которой было видно широкое белое бельишко.

- О! Господин Медянов? - На несколько особенно долгих секунд, девушка растерялась - не ожидала его увидеть. Он же в последнее время возвращался домой лишь для того, чтобы переночевать, а тут - уже обед скоро, а он ещё никуда не уходил? - Я думала, вас нету дома. Но здравствуйте! Я могу для вас сто-то сделать?

И с учтивой улыбкой на губах она присела в небольшом реверансе, продемонстрировав своё бельё ещё и спереди.

- Кончай с этим притворством. - Оборвал её представление Малкой и подошёл ближе, чтобы забрать у неё метёлку и бросить её на полку - он не одобрял этого её увлечения переодеваться служанкой и считал это недостойным девушки её достатка и положения, но из любви к ней терпел. Но в этот раз одной только любви ему не хватило. - Нам нужно поговорить.

По спине прошла лёгкая волна мурашек. Он же, ну... не будет ругать её за случившееся пару дней назад? В-вряд ли, он же вообще старается ей слова лишнего наперекор не говорить, боясь, что она опять уйдёт из дома... А в случае чего, делал вид, что не этого замечает. Даже когда стоило бы...

Но пускай Шаос и испугалась - не смогла она удержаться, чтобы не улыбнуться, обнажив зубки в классическом "я знаю, мне жопа, но остановиться я не могу" выражении.

- Сто такое? Неузэли ты лазолилса и тепей мне пьидётса содейзатъ семью, плодавая своё маленькое, полуослитье тельце всяким толстым, потным?..

Тонкие губы половинчика сжались в одну линию - и по спине замершей с этой глупой улыбкой Шаос прошла ещё одна серия неприятного покалывания - стоило бы ей, наверное, быть чуточку посдержаннее, потому что отец в самом деле находился в каком-то паршивом расположении духа и её шуточки были немного не ко времени. Но и в этот раз было уже поздно.

- Лиза, ты можешь хотя бы на несколько минут умерить своё необъятное чувство юмора и стать серьёзной? И только не съезжай с темы, говоря, что у тебя пустая башка и ты себя не контролируешь, хватит уже, довольно! Ты уже заигралась со своей бестолковостью, вернись на землю! Я что, многого прошу?

Дааа... всё-таки, накричали. Как бы не во второй раз за все эти полгода, которые она провела здесь после возвращения. И это могло означать лишь то, что случилось действительно что-то

серьёзное.

- И-извини, пап, я... Я на самом деле не всегда понимаю, когда надо остановиться. Извини.

Но это подействовало. И она действительно вытравила из себя эту глупую улыбочку и заносчивый взгляд, превратившись во вполне приличную девушку... в слишком коротком платье, из-за чего даже попыталась его чуть оправить, приглаживая к низу. В этот-то момент Малкой и обратил внимание на её животик под фартуком - он хоть и едва начинал округляться, но уже присутствовал.

- Ты же только что... избавилась от этого? Когда ты успела снова?

- Оно... так полутилось. Я тесно не хотела, но...

Малкой махнул ей рукой, не желая слушать её объяснения - всё равно ничего вразумительного он услышать от неё не надеялся. Очередные оправдания своего чрезмерного либидо и безотказности. Он перешёл к сути.

- Во-первых, мне нужно тебя предупредить - мне нужно уехать из города, по деловым вопросам. Недели две я буду отсутствовать в городе, поэтому постарайся держаться от неприятностей подальше. У тебя деньги есть?

Девушка согласно кивнула.

- Да, у меня есть, ну, с тех. С... - Подробностей ему знать как-то и не хотелось, поэтому он после утверждения сразу же утратил интерес к её картавому лепету. - ...алены, да...

- Хорошо. Обязанностей на тебя никаких не ложится - в моё отсутствие домашним хозяйством будет руководить Алисандер. Поэтому в случае необходимости обращай непосредственно к нему - только не докучай по пустякам. И веди себя с ним достойно, без... всего этого, твоего. Я дал ему чёткие и подробные указание, в том числе и... в плане конюшен, поэтому проблем возникнуть не должно.

Шаос слушала его, активно при этом кивая - выражала свою вовлечённость. Старалась быть серьёзной... но при упоминании конюшен по спине её прошла уже третья волна этих мурашек, а вместе с этим и стойкое желание оправить на шее ошейник... Вот только упомянуты они были каким-то странным тоном, как будто не к месту, а сам Малкой после этого прямо на глазах осунулся. И сделал подозрительно долгую паузу. Такую, во время которой не сказать что-нибудь было бы невежливо.

- А... сто там с конюшнями?.. - Спросила Лиза, теребя себя за ошейник, под которым стало слишком душно. И стиснула вместе ноги, потому что, ну... ну, стиснула, в общем... Как бы, нашли её лежащей на улице в раздроченном виде, но не обязательно же это было сделано в

конюшне? Или там след какой-то тянулся...

- Я продаю лошадей. А на месте конюшен будет построен зимний сад.

- Э?.. Как... Э-эээ?! - Ехидна отступила на шаг, невольно кладя руку на живот, но после этого мимолётного замешательства снова подалась к отцу, подпрыгнув к нему так, что он сам чуть было не отшатнулся, лишь бы она ему глаз рогом не выбила. - Н-не, не! Это... не то, сто ты... оно!.. Н-нааав-вейно.... т-тебе, н-ну... п... подумать... э-это ведь, ну...

Он же любил своих лошадей, гордился ими! Какие-то там породы покупал, что-то разводил... И-и-и сейчас, лишь из-за того, что у него такая глупая дочь, готов был от них отказаться? Шаос это не устраивало. Но в паническом настроении она и слова связно произнести не могла, утонув в бесконечном потоке бессвязного бреда. Значит-таки, он узнал о том, что она там... натворила? Б-блин-блинской!.. Блин... а ведь когда родит - это уже точно скрыть не получится!.. В-влипла она, влипла!..

Стоп! На сколько он там уедет? На две недели?.. А-а за это время она не успеет воспроизвести потомство?.. И он лично этого не увидит...

Найдя себе в этом хоть какое-то утешение, Шаос смогла обуздать свои расшалившиеся нервишки, так что язык хотя бы перестал заплетаться.

- А-аааа... - Протянула она, плясь под потолок и почёсывая себя пальчиком у основания рога, как бы делая этим крайне отвлечённый вид. - З-затем так слазу, плодавать... Я могу туда не ходить... И Никифию тогда л-лаботать негде будет, и он... совсем бездомным, х-хеке, станет...

И наконец-то, но она произнесла то слово, которое он от неё ждал.

- Боюсь, ты его больше не увидишь. - И до того, как её лёгкие набрали новую порцию воздуха, чтобы возмутиться... а точнее, разразиться в объяснениях, что он ни в чём не виноват и не нужно его увольнять, Малкой закончил фразу. - Вчера его арестовали.

Девушка замерла - и на переваривание этой в лоб ё*нувшей информации ей потребовалось уже несколько секунд. Чтобы её глаза успели сперва сощуриться - а потом широко раскрыться в неверии.

- Тоеесь - айестовали?.. Никифия? Это... Это сутка, да?..

- Я с такими вещами не шучу. - Сухо ответил он... И его тонкая, сухая ладонь оказалась зажата мягкими и такими горячими лапками дочери. Слегка дрожащими лапками. - Я сам узнал об этом только сегодня - его забрали прямо из дома, он...

В воздухе повисла очередная неприятно-продолжительная пауза. И даже такой клуше, как

Шаос, было видно - он не хотел говорить то, что должен был. Ей пришлось самой, украдкой поглядывая на отводящего взгляд отца, подвести его к этому, с трудом протягивая слоги из сжавшейся гортани.

- Пааап... Сто он... сделал?

- Он задушил свою мать.

Душа её повисла тяжёлым камнем, а сердце заставило сощурить веки и склониться в долгом болезненном приступе... Всё ниже... И ниже... Так, что рука отца выскользнула из её вялых пальцев и она уже практически рухнула на колени - да только Малкой успел её поймать и с заботой прижать к себе.

Что он сделал? Убил... свою мать? Никифий? Тот самый Никифий? Конюх? Этот крайне невезучий парень? Глупый, но в этом совсем не повинный? По сути, единственный её здесь друг? Или тот, кто хотя бы с ней общался?..

Д-да не может быть! Он не мог так поступить!.. Зачем ему нужно было это делать? Это же была его родная мать! Хорошая, добрая женщина, несмотря ни на что любившая его всею душой! Каким бы горем его появление на свет и не было омрачено! Шаос в это не верила!

И всё же, он... убил свою мать?.. Насовсем убил, полностью?.. И она, в отличие от неё, дамианки, после этого уже не воскреснет, а самого его ждёт незавидная участь? И его казнят? Нет, Инокополиссские власти любят позаигрывать с гуманизмом - если тебя не убили за преступление на месте, а взяли под стражу, то скорее всего посадят в клетку. Надолго. Возможно - на всю жизнь, но убивать не станут... Он должен будет жить, в какой бы тёмный подвал его не заперли!..

Но сама она его больше никогда не увидит...

- Нет...

Ну зачем? Зачем в одночасье он взял и разрушил всю свою жизнь? Какая была причина? Почему... что именно заставило его так поступить?.. Что... Или кто?..

- Тише, тише, Лиз. - Обнимал напряжённое тело дочери Малкой, пытаюсь успокоить её. Но сколько он ни гладил её за плечи, ни растирал их - тело её начало бить в откровенной, до стука зубов неприкрытой дрожь.

Один особенно нехороший червячок заполз в её сердце. И теперь там во всю извивался - а не было ли в том, что он сотворил... её вины? Ведь она же... буквально наемни, в конюшне... немного пережестила. И использовала его семя. Чтобы оно попало внутрь неё. Впервые...

Горло сжало неприятной резью, а слюна как будто бы отслоилась от слизистой, стала холодной и особенно жидкой. И начало мутить - так, что девушка, сделав глубокий вдох и зажавши рот обеими руками, выскользнула из объятий отца и уселась на корточки. Зрачки её, по этой её физиологической особенности - вместе с радужками, превратились в две маленькие, нервно подёргивающиеся точки.

Она была в ужасе. Нет... Нет! Это не могло быть правдой! Ведь... ведь не могло же оказаться, что в этом была... её вина? Её вина в том, что он это сделал? Это же... не она убила её?.. Его руками...

- Н-нет-нет... Нет... - Забубнила она под нос, медленно крутя головой.

Но она этого не хотела! Хотела всего лишь... да, немного по-дурацки, но пошутить! В действительности, она никогда не желала ему зла, не желала даже обидеть! Он же должен был понять! Понять, что она - дура и к её поступкам нельзя относиться серьёзно!.. И что когда она называла его дегенератом - всего лишь шутила, ведь... ведь она же - Шаос! Шумная и ни разу не серьёзная...

Должен же был...

- Вставай, Лиз. Не сиди на полу.

Полурослик поднял совсем вялую дочь на ноги, чтобы направить её к двери - и под руку вывел дрожащую девушку из гостиной. В коридор, где по странному стечению обстоятельств стоял Алисандер, Бофла и Маттиль, а также ещё какая-то служанка, имя которой Шаос было неизвестно - кажется, та, которая перестелала за ней кровать. И когда ручка на двери пошевелилась, они все почему-то поотворачивались к стенам и начали с огромным любопытством их разглядывать.

- Что вы тут околачиваетесь? Работы нет? Я вам быстро её найду.

- Затем он... сделал это?

- Я не знаю, зачем. Он всегда был странным - с такими, как он, вообще сложно, ты сама должна понимать. - Про то, что имел ввиду он именно что "по своему примеру" он промолчал - но откровенно на это намекнул. - Возможно, он не понимал, что творит. Или случился какой-то приступ. Кто его знает. Может быть, осознал, что никогда не сможет жить полноценной жизнью и - щёлк! Пришёл от этого в бешенство. Он же орк, в конце концов! Убийства - в их крови... Проклятый молокосос... Я ведь его, почти как... Сволочь!

Полурослик "передал" свою безвольную дочурку Алисандеру - и тот чуть было не отскочил от неё. Но, собрав свою волю (и сжав булки), всё же принял её тёплую, мягкую руку... Милая же девушка - и чего же она при этом такая грязная, похотливая тварь?

- Сто с ним будет? Его можно как-то... выкупить? Деньги ведь...

- Решают многое - но он опасен. И за содеянное, к сожалению, должен отплатить.

- Пап!! - Возмутилась Шаос, но выставленной перед ней рукой мужчины остановил её попытку броситься к нему. А потом её взяли и за второе плечо, уже окончательно лишая возможности шевелиться. - Надо сделать сто-то...

Он промолчал. Так же, как и промолчал о том, что искренне сочувствует Никифию. Его, полуорка, грязного полукровка, убившего собственную мать, свою единственную родню, не ждало ничего хорошего. С ним не будут церемониться и, хорошо ли это или плохо, но вряд ли ему светит гнить в камере до конца своих дней. О нём ведь никто никогда и не вспомнит, если он просто исчезнет...

- Отведи её в комнату и проследи, чтобы она легла. Ей нужно успокоиться. Бофла, накапай ей каких-нибудь настоек, а ты, Маттиль, сейчас будешь мне нужна.

- Пап, не уезжай... Д-давай!.. - Дамианка попыталась сопротивляться, но куда ей, коротышке, было бороться с нормального роста мужчиной? Пусть и не самым сильным. - Давай ходим в Глатей! Плосто посидим!.. И у меня сколо день!..

- Лиза, я обещаю - до десятого числа я обязательно вернусь. И мы ходим туда, пригласим твоих этих "Волков", если хочешь. Но сейчас тебе нужно поспать.

Ей было плохо. Её тошнило, тряслись руки, спина - холодела, а суматошно носящиеся по голове мысли ошпаривали внутреннюю часть её черепа кипятком, когда в своём хаосе касались этой мысли - это же не она убила Никифия?.. В смысле, его мать...

К подрагивающим её губам поднесли небольшую глиняную чашечку - и, хотя горечь напитка дала ей в нос и выбила из тёмно-синих глаз порцию слёз, Шаос не была какой-то там неженкой, поэтому выпила всё до последней капли и с громким выдохом опустила голову на подушку, по самый нос натягивая одеяло.

По горлу прошёл приятный, успокаивающий холодок, а мысли стали замедляться...

- И какой смысл поить её этими травами? - Заворчала дворфийка, закупоривая баночку с травяными каплями и убирая её в карман. - Они вообще на нечисть эту эффект-то какой-то оказывают? Они же метафизические по своей натуре!

- Ты закончила?

- А что? Решил господину жопу подлизать, якобы заботишься там об этой девке? Или хочешь уединиться с ней? Она ж опять уже беременная, не видел, что ли, пока я с неё эти тряпки позорные стягивала? Хотя ей-то самой всё одно, куда уж!

- Ты закончила? - Повторил Алисандер, и только самый чуткий человек смог бы уловить в его голосе раздражение.

- Закончила... Ладно. Отдыхай тут, не болей! Этот психованный не мог кончить как-то по-другому.

Дворфийка тяжёлым шагом направилась к двери, а Алисандер остался стоять у мирно лежащей в постели девчонки. В такие моменты - да, она казалась не таким уж плохим человеком. Если бы только позавчерашним вечером он не видел её валяющейся во дворе с вывернутой наружу маткой и этот образ всё время перед ним бы не всплывал.

- Э-эээй... - Протянула Лиза, с видимым трудом приоткрывая один глаз. - Я пееневнитяла, и... сейтяс спать хотю, но... Если хотес - я могу лаздвинуть ноги, но только ты сам остальное сделай...

- Видит Айис, я уже поверил, что ты можешь быть человеком. Но я ошибся.

Но до того, как и он вышел из комнаты, оставив ехидну в одиночестве, она всё же привстала на локтях, покуда одеяло не свалилось с её груди, обнажив... ну, розовенькие сосочки девушки на фоне этих её едва различимых припухлостей. Но сделано это было, несмотря на то, что прикрываться она не стала, всё-таки не специально - не это было целью.

- П-постой, Али... Алибастел?

- Что? Кто?.. Это опять ваша глупая шутка? Моё имя - Алисандер. Или вы его не запомнили?

- Это, нуу... Я сильно, сильно извиняюсь, но... я сделала осыбку...

Девушка постаралась слезть с постели - спать ей после двойной дозы капель, может быть, и хотелось, но не настолько же, чтобы с ног прямо валиться? Однако же мужчина сам остановил её до того, как она спрыгнула на пол, оставив сидеть на краю кровати... В одних лишь белых трусишках. И пухленьким, округляющимся животиком, упирающимся в мягкие ляжки. С совсем неглубокой овальной ямочкой пупка... И невольно, но Алисандер сглотнул, глядя на это зрелище и ощущая то, как в штанах его что-то зашевелилось.

- Большую осыбку... Я знаю, я не особо умная, но позалуста! У-умоляю... Но мне надо будет где-то спягаться, закытаться, и... вы мозете носить мне еду? А то я боюсь, сто сколо, навенное, ходить не смогу, и... Я буду хоосэй ехидной, тесно... Если деньги нада - я могу дать! Сто угодно!

- Ваш отец достойно мне платит. - Ответил ей он. И поспешным шагом вышел из комнаты.

Его хозяйка была целиком соткана из противоречий - и где-то там, под слоем всей этой грязи, находилась добрая и, возможно, даже хорошая личность. Но насколько же глубоко закопанная...

<http://tl.rulate.ru/book/412/37637>